

Тадришо Селула

Демоны
Себеда

18+

Габриэль Сегула Демоны Севера

<https://litres.ru/74003696>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его называли Драконом Севера. Его любили и за ним шли. Но поступок его отца все изменил.

Похитив кое-что ценное у могущественного лича, король развязал с ним войну. Довольно долгое время принцу во главе королевского войска удавалось сдерживать армию мертвецов, управляемую некромантами. Но король призвал сына в замок, чтобы отправить в опасные леса, на поиски орудия способного уничтожить лича.

Оставив любимую в замке, принц, с другом и парой верных воинов, отправился в путь. Где его ждет иная любовь, правда о нем и чего же именно жаждет король.

Чем окажется орудие, почему лич так хочет вернуть то, что у него забрали, и сможет ли принц вернуться из путешествия, концом которого должна стать его смерть?

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Габриэль Сегула

Демоны Севера

Пролог

Остров Доркхадас Эпоха Драконов Конец октября 1163 года после Великой войны девяти королевств

В долине грез, среди залитых лунным светом холмов, медленно погружался в сон окутанный покрывалом ночи замок. Гасли факелы, задувались свечи, и только в некоторых окнах продолжал гореть свет, не желая отдаваться в объятия сна, словно ожидая чьего-то возвращения.

Тишина, густая и бархатная, опустилась на башни и внутренние дворики, нарушаемая лишь шепотом осеннего ветра. Но покой этот был обманчив. В самой сердцевине тишины зрело напряженное ожидание, так похожее на затишье перед бурей. Древние камни, помнившие времена Драконов, хранили молчание, предвещающее перемены, которые вот-вот должны были сойти с небес или приползти из глубин забытых подземелий. А может, это бодрствующие души вслушивались в гулкую тишину в надежде различить долгожданный звук шагов или дальний зов рога, который еще не успел разорвать иллюзорный покой долины.

Среди деревьев под покровом ночи, подгоняемые туманами,

ном, мчались четыре всадника. Опавшие осенние листья слабо смягчали мощные удары копыт. Всадники с легкостью избегали спрятанных корней древесных стражей леса и цепких лап-ветвей, пытавшихся схватить и пленить их. Окрыленные тьмой, кони с легкостью перелетали через темные, едва заметные рвы и поваленные деревья, поджидавшие невнимательных путников. Всадники спешили, и ничто не могло их задержать, особенно одного из них.

Отделившись от других, всадник гнал коня во весь опор к замку и той, что ожидала его там. Еще мгновение и вот сквозь туманную пелену проступили очертания башен, а рука всадника инстинктивно сжала поводья, будто ощутив незримую нить, что со временем не только не ослабла, но и натянулась до предела. Он не видел огней в окнах, но чувствовал ее зов где-то в глубине сознания, подобно тетиве лука, что вибрировала в такт стуку копыт. В нем уже не осталось места ни для усталости, ни для осторожности; камень замка отзывался на его приближение глухим гулом, и только он один слышал его. А в это время тени у подножия стремительно сгущались, словно раскрывали объятия своему господину.

Облетая свои владения, сова заметила привычную картину: одинокий силуэт в свете свечей, обрамленный оконной рамой, там, где редко зажигались огни. Она хорошо помнила это окно и комнату, наполненную жизнью, голосами и теплом, когда-то в нем часто горел свет, и двое наслаждались

мелодией ночи. Теперь же сова все чаще замечала одинокую фигуру на фоне пустой и холодной комнаты и направленный вдаль взгляд, полный надежды. Замерев на миг в воздухе, она беззвучно прокричала в ночь, и в ее птичьем сердце, верном ритмам этого леса, шевельнулось смутное понимание: скоро в старую мелодию ночи наконец вернется недостающий голос, и в мире снова воцарится правильный порядок вещей.

Едва миновав ворота, всадник замедлился и почти на ходу спрыгнул с коня, устремившись внутрь. Время все так же беспощадно гнало его вперед.

Он едва успел смыть с себя дорожную пыль и перекусить – война собственнически отбирала не только силы, но и время, приучая к военному быту. Горькая мысль, что многие уже начали считать своим домом ад, именуемый полем боя, навязчиво крутилась в голове. «Будто отец не мог пленить кого-то другого? Зачем ему понадобилась именно дочь лича?» – в сотый раз задавался он одним и тем же вопросом. Норкейн Его бессмертие и жажда крови были легендарны; подобной жестокости не знали даже демоны. Против его мертвой армии не было надежной защиты – нельзя убить тех, кто уже мертв.

Габриэль стоял у окна, вглядываясь в ночь, но видел не звезды, а поля сражений, залитые багровым светом. Война не отпускала его даже здесь, в стенах родного замка, потому он и не сразу услышал тихий голос, окликнувший его у порога.

– Ваше Высочество, Его Величество приказал, как только вернетесь, явиться в его покои.

– Тамми, я же просил, когда мы одни, звать меня по имени. И никаких «*Высочество*» и «*господин*». Пожалуйста.

– Простите, госпо Габриэль.

– Так-то лучше. И что мне с тобой делать?

Габриэль потрепал непослушные огненные кудри своей служанки. Тамми покраснела, отчего ее веснушки звездной россыпью засияли на щеках и немного вздернутом аккуратном носике. Он улыбнулся. Она была одной из немногих, с кем он мог улыбаться. Тепло и искренне.

– Интересно, что ему от меня нужно?

– Говорят, в замок приходил Шаман.

– Шаман? – Габриэль задумчиво любовался бледной красотой луны и блеском ярких звезд. Такими мимолетными и умиротворяющими. Тамми молча наблюдала за его расслабленной фигурой, вспоминая спокойные дни, проведенные с ее принцем до начала войны. – Пора идти, – в его голосе промелькнула грусть.

– Я подожду тебя здесь.

Обернувшись у порога, он вновь улыбнулся и вышел. Прислонившись спиной к двери, Габриэль сделал несколько глубоких вдохов. Ему отчаянно хотелось вернуться, но незримые цепи долга – долга сына и воина – властно тянули его прочь от покоев. Выпрямившись, он заставил себя сделать первый шаг вглубь мрачного, холодного коридора, туск-

ло освещенного трепещущими факелами.

Он не знал, что в это же время, в зеркальном отражении его собственной тоски, застыла Тамми. Сжав в кулачках складки юбки и закрыв глаза, она отчаянно боролась с собой. Ее душа рвалась вслед за ним, готовая в любой миг распахнуть дверь и броситься в темноту коридоров. Ей до боли хотелось обнять его, прижаться, вдохнуть его запах и рассказать о всех бессонных ночах, мучительным ядом страха. За этот год страх стал ее личным демоном, от которого не скрыться. Он отравлял все: мысли, сон, даже самую возможность просто жить. И единственным ее спасением, живым щитом против этой тьмы, был он: его взгляд, его голос, его улыбка – все то, что сейчас удалялось от нее в зыбкой тени факелов.

Тамми ненавидела войну. Именно она породила тот страх, что поселился в ней, – явившись вместе с вестью о первом павшем воине, впитавшись в душу со слезами вдов и матерей. Она боялась. Боялась до предательской дробы в коленях, до горьких слез, что терялись в общем холоде отчаяния. Ее пугала пустота застывших глаз, холодная тишина в ответ на вопрос – и сама мысль о жизни без него. С его уходом время замирало, погружая ее в пучину страха, но стоило лишь увидеть Габриэля, услышать его голос, ощутить живое тепло его рук – и к ней возвращался свет. Неважно, на день или на мгновение – он был жив, а значит, страх отступал.

Но едва он вновь покидал замок, все возвращалось. Порой

ей казалось, что его краткие визиты – не более чем жестокая шутка Драконов, иллюзия, рожденная ее собственным отчаянием. «Почему именно он должен рисковать жизнью? Войну развязал король, так почему бы ему самому не встать во главе армии? Пусть сам смотрит на реки крови и слышит предсмертные хрипы! Это несправедливо, что он пирует в безопасности, пока люди гибнут, а Габриэль рискует жизнью!»

Отойдя от двери, Тамми подошла к окну. Страх уже протягивал к ней свои ледяные лапы, а время вновь замедлялось в мучительном ожидании. Обхватив себя руками, она замерла – вновь одна наедине с ужасом. И вновь она должна ждать своего принца, зная, что лишь он один сумеет унять дрожь в ее сердце и прогнать непрошеные слезы.

Габриэль неспешно шел по коридорам, не глядя под ноги – каждый камень этого замка был знаком ему до последней трещинки. Пять шагов направо, двадцать прямо и налево... Мысли же его упрямо бежали назад, в покои, где осталась Тамми. Ему хотелось погрузить пальцы в ее огненные кудри, увидеть, как под его взглядом вспыхивают ее щеки, а небесно-голубые глаза пытаются спрятаться под густыми ресницами. Но вот цель достигнута. Остановившись перед тяжелой дубовой дверью, он привычно надел ледяную маску принца и, коротко постучав, вошел.

Ночной мрак был единственным полноправным гостем в покоях короля. Лишь одинокий огонь в камине, с трудом от-

воевывавший у тьмы клочок пространства, мерцал, будто это его последнее дыхание. На самой грани этого хрупкого света, подобные двум безмолвным стражам, стояли кресла.

– Долго! – прозвучавший в полумраке голос эхом отразился от стен, мгновенно заполнив комнату. Властный, стальной, способный заставить не просто пасть на колени, а молить о пощаде. Голос короля. Его отца.

– Я пришел, как только смог, – ответил Габриэль, и о том холоде, что сквозил в его словах, северный ветер мог лишь тоскливо мечтать.

– Сядь. – Король указал на кресло напротив. Его худая, почти костлявая рука двинулась резким, отрывистым жестом, и на мгновение показалось, что в кресле восседает не правитель, а сама Смерть, внезапно почтившая замок своим визитом.

Габриэль медленно прошел к креслу и остановился, ощущая на спине ледяной укол отцовского взгляда, сулившего самую мучительную смерть из всех возможных. Ему доставляло особое удовольствие это безмолвное противостояние, доводившее короля до бешенства. Он видел, как побелело лицо отца, как вздулись вены на его шее, готовые лопнуть, а пальцы впились в подлокотники, оставляя глубокие борозды, будто когти хищника. Любого другого за такую дерзость уже не было бы в живых – но только не его, наследника. Усмехнувшись, Габриэль наконец развернулся и сел.

Король криво улыбнулся, и скрип его зубов прозвучал по-

добно скрежету когтей по стеклу.

– Согласно последним сведениям, это «бессмертное» чудовище не так уж неуязвимо. Выезжаешь на рассвете с несколькими воинами – больше дать не могу. Опасно оставлять замок без защиты, – он довольно оскалился, оставалось только демонам выстроиться в очередь, чтобы поучиться у него злорадству. Габриэль молчал, не отводя холодного взгляда. Он все понял, едва услышав о Шамане. Король достиг цели. Пришло время.

– Отправишься в северо-западные земли...

Лич (англ. *lich* или *lych*, или нем. *leiche* — «труп»; ['litʃ]) – маг-некромант, ставший высшей нежитью, по одной версии – после смерти, по другой – вместо смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.